КУПЕЦ
ИЗ ЧУЖОГО ВЕКА

ТОМ 1

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Купец из чужого века. Том 1

«Автор»
2026

Игнатов И.

Купец из чужого века. Том 1 / И. Игнатов — «Автор», 2026

Вчера я разбирался с недостачей на современном складе. Сегодня очнулся в теле молодого купца — в Нижнем Новгороде, в 1905 году.У Николая Лаврова полные склады и почти пустая касса. В наличии — сто восемьдесят рублей. Через две недели нужно отдать две тысячи сто. Рабочие ждут жалованья, должники кормят обещаниями, а кредитор уже прислал человека обмерять дом.Четырнадцать лет в закупках научили меня считать деньги и договариваться с людьми. Начну с залежалого железа. Только здешние покупатели хорошо знают цену чужому разорению, а в старых счетах слишком много удобных ошибок.За воротами набирает силу революция. В доме меня зовут Колей и ждут, что я всё исправлю. Как вернуться в своё время, я не знаю. А вот за этот двор побороться ещё могу.

© Игнатов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая опись 5
Глава 2. Пуд правды 9
Глава 3. Получить своё 13
Глава 4. Упряжка Бекетовой 16
Глава 5. Цена месяца 19
Глава 6. День жалованья 22
Глава 7. Заказ раньше закупки 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Илья Игнатов
Купец из чужого века. Том 1

Глава 1. Чужая опись

— Дом тоже придётся освободить, Анна Михайловна. Не один склад.

Мужской голос доносился снизу. Говоривший не сердился, не повышал тона. Именно так у меня на прежней работе сообщали о решениях, которых ещё никто не принимал: спокойно, будто оставалось подобрать дату.

Я открыл глаза. Над кроватью висело потемневшее изображение бородатого человека с книгой. На потолке расходилась трещина. Возле окна стоял кувшин, а на спинке стула — мой пиджак. По крайней мере, так я подумал, пока не заметил высокий стоячий воротник.

Левая бровь пульсировала. Я потянулся к голове и увидел чужую руку: узкую, без моего старого ожога у большого пальца. На правом предплечье не оказалось шрама от железной ленты.

Меня звали Павел Руднев, и мне было тридцать восемь. Последние четырнадцать лет я занимался закупками. Ещё накануне стоял на обычном складе под белыми лампами и разбирался с недостачей.

— Павел Андреич, тут некомплект.

В накладной значилось сорок восемь коробок крепежа. На поддонах насчитали тридцать шесть. Водитель обещал довезти остальное завтра и просил подписать всё сразу.

— Завтра и примем остальное. Сейчас пишем, сколько привезли.

Я положил бумаги на ящик. Зазвонил отец. Он начал рассказывать про воду на даче, а водитель рядом уже связывался с диспетчером и совал мне телефон: пусть закупщик сам объяснит, что его не устраивает.

— Пап, давай потом. Я ещё на приёмке.

Отец сказал, что подождёт. Диспетчеру понадобилось больше объяснений. Я вернул водителю его телефон, на своём открыл сообщение отцу, набрал: «Пап, я через…»

Со стороны ворот ударил металл. Тяжёлая раздвижная створка дёрнулась, накренилась в проход. Грузчик застыл прямо перед ней. Я схватил его за рукав и рванул к себе. Он врезался в ящик, а я поскользнулся на мокром пороге.

Последним я увидел серый край створки. Меня ударило над левым глазом. Белые лампы качнулись, кто-то крикнул моё имя, и всё пропало.

Здесь не было телефона.

— Николай Петрович нездоров, — произнесла женщина. — Вы знаете, что вчера случилось.

— Мы ему здоровья желаем. Но обстоятельства ведь от здоровья не зависят.

Я сел. Комната накренилась, и пришлось ухватиться за край постели. В маленьком зеркале над умывальником отразился молодой мужчина с серыми глазами. Тёмные волосы слиплись возле повязки. Он смотрел на меня с тем же ужасом, с каким я смотрел на него.

Я прижал пальцы к щеке. Человек в зеркале сделал то же самое. Отпустил — он тоже убрал руку. Я закрыл глаза, переждал головокружение и посмотрел снова. Отражение осталось чужим.

— Коля?

Дверь приоткрылась. Женщина лет под пятьдесят остановилась на пороге, придерживая юбку. Бледное лицо, аккуратно убранные волосы, ниточка на чёрном рукаве. Не нарядная вдова из кино. Усталая женщина, которая с утра уже успела поработать.

Она подошла и положила ладонь мне на лоб.

От неожиданности я отшатнулся. Ладонь застыла в воздухе.

— Где я? В какой больнице?

— Дома, Коля. Лежи. Я велела Платону Саввичу объяснить им, что сегодня нельзя.

— Кому?

Женщина посмотрела внимательнее.

— Зыков пришёл. От Степана Яковлевича.

Имена ничего не значили. Но тон означал хорошо знакомую беду.

Я попросил воды, выпил слишком быстро и закашлялся. Женщина подала полотенце. Я вытер подбородок и обнаружил на пальцах кровь: задел край повязки.

— Опять расковырял, — сказала она с такой усталой привычностью, что меня прошиб холодный пот.

В памяти снова скрежетнул металл. Я попытался удержать последний миг на складе, понять, как оказался в этой комнате. Вместо ответа пришёл приступ тошноты.

Женщина поддержала таз, пока меня выворачивало пустотой. Подождала, налила ещё воды. В её движениях не было колебания: когда-то она уже ухаживала за этим человеком, маленьким или взрослым, и знала, как поставить колено к кровати, чтобы он не упал.

Я собирался спросить, кто она. Не смог. Вопрос показался жестоким даже прежде, чем я понял причину.

— Удар сильный был? — спросил вместо этого.

— Семён говорит, сознание потерял. Зачем тебя одного туда понесло? Всё после, всё после, а как раз темно стало, решил смотреть.

Она ждала оправдания, с которым можно спорить. Я только кивнул.

На столике лежал отрывной листок с датой: 6 июня 1905 года. Несколько секунд я смотрел на него, ожидая, что цифры изменятся.

Я поднёс листок к глазам. Пальцы дрожали, и мелкие цифры расплывались.

— Какой сегодня год?

— Тысяча девятьсот пятый, Коля. — Женщина побледнела. — За доктором опять послать?

— А город?

— Нижний Новгород. Ты же дома.

Я отдёрнул край занавески. Под окном лошадь тянула телегу; возчик соскочил на землю и принялся поправлять сбрую. Снизу доносился спор, каждое слово было слышно в комнате. Голова закружилась, и я вернулся на кровать.

На вчерашних документах стоял 2026 год. Я помнил дорогу до склада, недостачу, звонок отца. Теперь у меня были чужие руки, а женщина называла меня Колей и уверяла, что на дворе 1905-й.

Внизу заскрипело перо.

— Что они пишут?

— Перечень имущества. Для предложения о покупке. Платон Саввич считает, что пора знать цену.

Я всё ещё не мог понять, что со мной произошло. Женщина теребила край рукава и смотрела на дверь. Внизу договаривались о продаже её дома, пока она держала таз у моей кровати.

— Покажите, что они составляют, — сказал я. Прочесть бумагу я пока мог.

Я поднялся. Женщина поддержала меня под локоть, и от этой привычной помощи стало страшнее, чем от зеркала. Она знала тело, в котором я стоял. Я не знал даже её имени.

Внизу пахло щами, пылью и железом. Из прохода были видны двор, раскрытые ворота и навес с тёмными ящиками. За столом сидел мужчина с гладкими усами. Возле него стоял пожи-

лой человек в добротном потёртом сюртуке. Третий — худой, рыжеватый — держал складную мерку.

— Николай Петрович, — сказал усатый, вставая не до конца. — Я бы сам к вам поднялся.

— Зачем мерка?

— Обмеряем. Ничего окончательного.

Я взял верхний лист. Буквы были непривычными, некоторые слова приходилось читать по два раза. И всё же смысл складывался. Дом, складские строения, дворовое место. Ни печати, ни распоряжения властей. Частная бумага, в которой хозяину оставили место для подписи. И здесь был указан 1905 год.

— Вы пристав?

Усатый улыбнулся.

— Андрей Фёдорович Зыков. Перевозочное дело Степана Яковлевича. Мы с вами встречались.

— Тогда почему вы говорите об освобождении дома?

Пожилой кашлянул.

— Николай Петрович, речь о том, что при продаже следует обговорить срок. Ваш покойный батюшка всегда предпочитал определённость.

— Платон Саввич? — осторожно спросил я.

Он кивнул. В глазах мелькнула обида: хозяин будто проверял, помнит ли имя собственного приказчика.

Я прочёл лист до конца и положил его чистой стороной вверх.

— Сегодня ничего подписывать не буду.

— Это всего лишь подтверждение, что имущество осмотрено, — сказал Зыков.

— Значит, без него покупатель проживёт.

Он убрал улыбку.

— Двадцатого июня жить будет труднее. Две тысячи сто рублей, Николай Петрович. Степан Яковлевич не обязан ждать, пока вы оправитесь.

Я почувствовал, как женщина за моей спиной выпрямилась. Значит, он бил туда, где и без того болело.

— Кто говорит, что обязан? Я хочу увидеть обязательство.

Приказчик принёс книгу и папку. Документ с именем покойного отца Николая оказался настоящим в том единственном смысле, который я пока мог установить: его здесь признавали все. Я не стал разыгрывать юриста.

— Предложение о покупке оставьте. Ответ дам после счёта.

— Вы уже считали, — сказал Зыков. — В марте. И в апреле.

— Посчитаю ещё раз.

Он неторопливо собрал бумаги. Мерку тоже убрали. Во дворе один из грузчиков перестал притворяться, что поправляет верёвку, и посмотрел нам вслед.

Когда ворота за гостями закрылись, силы кончились сразу. Я опустился на лавку. Женщина принесла чашку, приказчик потянулся было к папке, но я придержал её рукой.

— Сколько в кассе?

Приказчик не ответил мгновенно. Мне хватило этой паузы, чтобы приготовиться.

— Сто восемьдесят рублей.

— А должны получить?

— Записано больше. Получить — иной вопрос.

— Работникам заплачено?

Женщина поставила чашку так осторожно, что она не звякнула.

— Не за всё, — сказал приказчик. — Двести двадцать остаётся.

Я посмотрел в окно. У навеса двое мужчин поднимали ящик. Один работал с перевязанной ладонью. Вчера этот двор принадлежал неизвестному мне человеку. Сегодня здесь ждали, что решения будет принимать человек с моим лицом.

— Анна Михайловна, — сказал приказчик, — я прошу вас убедить Николая Петровича. После удара нельзя заниматься таким делом.

Вот и имя.

Мать Николая села напротив. На миг мне показалось, что она сейчас спросит, кто я. Но она спросила другое:

— Ты опять хочешь тянуть до последнего дня?

Я мог бы произнести сколько угодно убедительных слов о новом начале. У меня в прежней жизни таких слов тоже хватало. Иногда они стоили дороже ошибок.

— Не знаю, что получится. Дайте мне до вечера.

Она посмотрела на папку под моей рукой.

— До вечера, Коля.

Я снова раскрыл книгу. Между пожелтевшими листами лежала записка, написанная другим почерком: «Кровлю над малым навесом осмотреть до осени». Внизу стояли инициалы покойного хозяина.

По двору стучали колёса. Где-то за воротами торговались из-за двух копеек. Этот мир не собирался останавливаться, пока я разбираюсь, что со мной произошло.

Я попробовал спросить, нельзя ли подать известие человеку в другом городе. Платон Саввич сразу поинтересовался, кому именно. Назвать моего отца означало бы произнести имя человека, который ещё не родился. Его адреса здесь не существовало, фамилия ни с чем не связывалась.

— Потом, — сказал я.

Это слово больно отозвалось.

Анна Михайловна вернулась с тёплой тканью для моей брови. Не стала отнимать бумаги, только переставила чашку подальше от края. Приказчик объяснял, в каком шкафу лежит прежняя переписка. Сквозь его слова я слышал звон посуды наверху, чужую жизнь, уверенно располагавшуюся вокруг меня.

Я ещё надеялся очнуться на больничной койке. Но время шло, чернила подсыхали, а женщина рядом всё так же ждала моего решения. Вернуться к себе я не знал как. Разобраться в этих бумагах до вечера хотя бы мог.

Я подвинул к себе чистый лист и написал три числа: 180, 220, 2100.

Чернила растеклись по непривычной бумаге.

Глава 2. Пуд правды

К вечеру я знал полное имя человека, в теле которого очнулся: Николай Петрович Лавров, двадцать четыре года. Его отец умер в январе, торговля велась под старым именем «П. Н. Лавров».

Приказчика звали Платон Саввич Мезенцев. В бумагах все даты шли по старому стилю; я решил держаться их, чтобы не перепутать первый же срок. Остальное приходилось добывать вопросами, от которых люди смотрели всё страннее.

Про наследство я спросил так неловко, что Анна Михайловна решила звать доктора. Успокоил её только приказчик: бумаги давно оформлены, после болезни Николай Петрович просто хочет всё перечитать. Я благодарно ухватился за это объяснение.

Среди бумаг нашлась закладная на дом и двор. Восемь тысяч рублей Аркадию Ильичу Ермилову. Две с половиной тысячи следовало внести десятого ноября, остальные пять с половиной — десятого мая тысяча девятьсот седьмого. Проценты шли отдельно. Я отложил папку рядом с векселем: июньский срок был только ближайшим.

Вечером меня всё-таки уложили. Доктор посветил в глаза лампой, велел покой и предупредил, что головная боль может вернуться. Никаких удобных слов о временной потере памяти он не произнёс. За вопросы о нынешнем годе на меня посмотрел так, что я перестал спрашивать.

Когда дом затих, я опять подошёл к зеркалу. Чужое лицо не менялось. Последним моим воспоминанием оставалась складская створка. Я мог выжить после удара, мог остаться там навсегда — ни один человек в этом доме не знал Павла Руднева. Здесь мне приходилось отвечать на имя Николая.

Я решил утром расспросить Семёна. Анна Михайловна ссылалась на него, когда говорила о несчастье. Пусть расскажет, что видел сам.

Потом я стал вспоминать отца. Не Петра Николаевича — своего. Как он говорил о воде на даче и послушно согласился подождать, потому что у меня опять оказалась срочная работа. Недописанное сообщение осталось там, возле накладных.

Теперь это «потом» осталось в другом столетии.

От тоски перехватывало горло. Я не делал из неё полезного вывода. Просто лежал, уткнувшись лицом в жёсткую подушку, пока за стеной не перестали ходить.

Утром спустился на склад.

— Куда ставить будете? — спросил рыжебородый мужчина с перевязанной рукой.

— Что?

— Стол свой. Платон Саввич вчера сказал, что считать начнёте.

— Здесь и начну. Как вас зовут?

Он медленно выпрямился.

— Семён Ильич. Нефёдов я.

— Вчера головой приложился, Семён Ильич. Могу и ещё что-нибудь переспросить.

— Это вы приложились, верно. Дверь-то придерживать надо было.

Я посмотрел на тяжёлую створку у складского входа. Дерево обили железом; сломанная скоба лежала у косяка.

— Вы меня нашли?

— С Ваней. Грохнуло — прибежали. Вы у порога лежите, кровь на досках. Едва вдвоём в дом отнесли.

— Я что-нибудь говорил?

— Ничего. Доктор уж потом приезжал.

Я коснулся вмятины на железе. Меня ударило створкой на складе в 2026-м. Николая нашли без сознания здесь, в 1905-м, после похожего несчастья. Это было всё, что я мог связать. Почему очнулся вместо него, я не знал.

Семён придерживал больную руку у груди. Я заметил свежую кровь на краю повязки.

— Пока дверь не починят, закрепите её, — сказал я. — Чтобы ещё кого-нибудь не задело.

Семён принёс упор, проверил створку всем весом и только потом отступил. Я подождал рядом. Этот человек вчера поднял меня с досок; начинать знакомство с распоряжения работать быстрее не хотелось.

Склад казался полным. Ящики, связки, железные полосы на подкладках, бочки с крепежом. После пустой кассы это даже обнадёживало. Пока я не начал спрашивать, что принадлежит нам, что оплачено и что можно продать сегодня.

Две партии лежали на хранении. На ящиках за дальней стойкой был чужой знак. Железо у ворот обещали покупателю ещё весной, но тот отложил ремонт. За часть товара не расплатились с поставщиком. В книге всё это соседствовало так мирно, словно из соседства следовали деньги.

— Вот это почём уйдёт? — Я указал на бочку.

Семён зачерпнул гвоздей, высыпал на доску.

— Смотря куда. Видите, шляпки разные. И длина.

— В записи один сорт.

— Так сверху один.

Он сунул руку глубже и достал короткие, более толстые гвозди. Затем ещё горсть — с рыжим налётом.

Мне стало неприятно. В прежней фирме похожая бочка выглядела бы аккуратной коробкой с красивой этикеткой. Покупатель всё равно узнал бы правду первым ударом молотка.

— Много такого?

— Угол весь. Я говорил разобрать.

— Кому?

Семён посмотрел поверх моего плеча.

— Говорил.

Мезенцев стоял в проходе с книгой.

— Разбирать — людям платить. А покупатель желал получить дешевле и разбирать сам. Ничего здесь не скрывали.

— Где покупатель?

— Передумал.

— А мы не передумали держать его заказ?

Приказчик прикрыл книгу. На этот раз в его лице была не одна обида. Он смотрел, как человек, которого заставляют объяснять младшему давно известную работу.

— Если каждую партию трогать, Николай Петрович, можно до ярмарки не управиться.

Я хотел ответить резко, но Семён уже подвинул весы. Старая чашка скрипнула. На гире осел белёсый налёт, подвес тёрся о дерево.

Мы проверили ход, очистили то, что мешало свободному движению. Потом Семён показал мне, как здесь взвешивают с тарой. Я едва не принял вес бочки за часть товара, а он остановил мою руку без всякой почтительности.

— Тогда лишнее напишете.

— Хорошо, что остановили.

Он хмыкнул и снова взялся за работу.

В одном пуде было сорок фунтов. Я знал это со школы, но одно дело помнить меру, другое — целый день видеть в ней склад. Приходилось заново настраивать голову. Пуд железа переставал быть справочным числом, когда его требовалось передвинуть.

Через час я вспотел, спина заболела, а молодое тело оказалось гораздо менее пригодным к труду, чем мне хотелось. Семён молча забрал у меня совок.

Мы не перебрали весь склад за утро. Выбрали небольшой участок, который можно было довести до продажи. Отдельно — ходовой крепёж, отдельно — короткий и разномерный, отдельно — повреждённое. На каждой партии обозначили вес и состояние. Чужое вынесли из нашей ведомости.

За первым участком пришлось спорить и с людьми. Младший работник, Ваня, считал переборку бессмысленной: всё равно покупатель разбросает, всё равно грязные, только руки колоть.

Я предложил ему взять горсть из общей бочки и найти два десятка одинаковых. Он начал уверенно, потом замедлился. Клал на доску короткие, длинные, снова возвращал часть.

— А теперь из этой, — сказал Семён, придвигая уже разобранную.

Ваня управился быстро и рассердился ещё больше.

— Так у покупателя и свои люди есть.

— Есть, — ответил я. — Они за это тоже плату берут. Может, ему проще заплатить немного нам, чем держать своих целый день над бочкой.

Семён не стал поддерживать мою речь. Показал, как работать, чтобы не протыкать ладонь остриём, и выделил коробку под совсем повреждённое. Ваня принял это объяснение охотнее моего. Через час он уже сам ворчал на человека, который высыпал разные размеры вместе.

Ваню я запомнил. Спорил с каждым распоряжением, зато уже не позволял смешивать разобранное. Семён заметил это тоже и передвинул к нему следующую бочку.

К полудню пришёл покупатель, которого привёл Мезенцев. Широкоплечий мужчина потыкал в гвозди и предложил забрать весь угол почти даром.

— Раз уж вы решили освобождаться.

— Мы решили разбирать, — сказал я.

— Зачем? Я всё возьму. Вам деньги сейчас нужны.

Эта осведомлённость подействовала хуже низкой цены. Но приказчик объяснил взглядом: в городе уже всё знают.

— Назовите отдельно цену вот на эту партию.

Покупатель пожал плечами. Цена оказалась выше, чем доля того же товара в общей покупке. На второй партии — тоже. На третьей он предложил ещё меньше прежнего.

Тут и нашлась возможность. Всё вместе покупатель оценивал по самому плохому. Хорошее отдельно уже нельзя было назвать одной ржавчиной.

Я не продал ему ничего. Он ушёл сердитым, Мезенцев — ещё сердитее.

— Полторы тысячи живыми вы сегодня упустили.

— За товар, который стоит больше.

— Он стоит столько, сколько платят.

— Вот это я и хочу узнать. У нескольких людей.

После обеда Семён принёс три имени. Подрядчик, чинивший ограды, хозяин мастерской и лавочник из уезда. Им требовались разные вещи. Они могли никогда не купить весь пыльный угол, но его части им подходили.

Нужна была доставка.

— К Бекетовым пойдёте? — спросил Семён.

— А кто там решает?

— Елена Сергеевна. К кому ещё-то идти.

— А им уже предлагали? — спросил я.

— При Платоне Саввиче? Говорили, — ответил Семён. — Только лавочнику весь угол не нужен, а подрядчик до весны со своими делами держался.

— Значит, начнём не с «купите». Спросим, какие работы у них сейчас.

Я попробовал написать короткую записку. Перо не слушалось моего привычного нажима. Зато подпись вышла без усилия: Николай Лавров. Увидев её под своими словами, я с минуту не мог убрать руку.

— Не так написал? — спросил Семён.

— Так.

Он отвёл глаза, решив, наверное, что у меня опять кружится голова. Я был благодарен ему за эту простую версию.

Я записал имя Елены. На чистом листе рядом с остатками появились первые настоящие покупатели. Пока без денег. Но теперь я хотя бы понимал, что именно им можно предложить.

Из дома вышла Анна Михайловна и молча поставила на стол хлеб и кружку. Потом наклонилась к перебранным гвоздям.

— Отец тоже руками смотрел, прежде чем купить.

Я хотел спросить о нём. Она уже ушла, а я остался возле стола, покрытого железной пылью, с вопросом, для которого не находилось безопасных слов.

Глава 3. Получить своё

В долговой книге было записано две тысячи четыреста рублей. Реально Мезенцев предлагал рассчитывать на тысячу восемьсот. Остальные шестьсот уже прежде признали такими, за которыми можно ездить годами.

— Почему тогда не вычеркнуто?

— Чтобы помнить, — ответил он.

Я перевернул несколько страниц. Рядом с суммой стояли дата, имя, иногда короткая помета. Одни записи были подробными, возле других приходилось угадывать даже род занятий должника.

В прежней жизни я видел программы стоимостью в полгода здешней выручки, где сведения о долгах выглядели не лучше.

Выбрал троих. Самого громкого должника Мезенцев рекомендовал первым: давно обещал, любил разговаривать при свидетелях и, кажется, ещё уважал покойного Петра Николаевича. Это было плохое сочетание. Я начал с человека, который недавно продавал свою работу и, возможно, имел деньги.

— Вы поедете за сорока рублями? — удивился приказчик.

— За ста двадцатью. Сорок он должен сейчас. Остальное — по другой записи, верно?

Мезенцев посмотрел в книгу.

— Верно.

До мастерской добирался с Семёном. Самостоятельно я бы нашёл её разве что к вечеру. Город шумел телегами, пах лошадьми, мокрым деревом и жареным луком из раскрытого окна. Дальние дома на возвышенности казались нарисованными на небе. Я не задерживал взгляд. Стоило забыться, и начинало трясти от мысли, что всё это действительно существует.

Хозяин мастерской, Лука Тимофеевич, встретил нас с почерневшими руками. Выслушал, вытер ладонь о фартук и сказал:

— Платону Саввичу говорил: через неделю.

— А мне скажите, что будет через неделю.

Он решил, что я придираюсь.

— Деньги будут. Человек рассчитается.

— За какую работу?

Мы долго стояли у верстака. Мастер уже приготовился ругаться, но я не повышал голос. В итоге выяснилось: деньги ему должны за готовые скобы, которые не забирали из-за недостающей части заказа. Для этой части требовался крепёж, и мастер собирался просить его у нас в долг.

Старый долг упирался в новый.

Я попросил показать работу. Хорошие скобы лежали в ящике, завёрнутые в рогожу. Рядом — записка заказчика. Никакого тайного богатства здесь не было, зато имелось понятное препятствие.

— Сегодня что можете отдать?

— Тридцать.

— Сорок?

— Сорок, если до субботы никто из своих не спросит.

— Свои спросят. Давайте тридцать. Остаток распишем по дням. Новый товар — отдельно, за деньги. Скажите только, какой вам нужен, я посмотрю, можем ли доставить.

Лука Тимофеевич прищурился.

— Не заберёте за долг то, что привезёте?

— Мы вам должны будем товар за новую оплату. Вы нам должны старое. Обе записи оставим.

Он думал долго. Потом пошёл в дом и вынес деньги.

Я дал расписку, дважды сверив число. Подпись Николая Лаврова снова вышла легче остальных букв. На этот раз я смотрел прежде всего на сумму: под чужим именем отвечать за ошибку всё равно пришлось бы мне.

Обратно я шёл с тридцатью рублями и неприятным ощущением, что уже воспользовался чужим доверием. Лука смотрел на Николая Лаврова, а видел сына знакомого человека. Я мог лишь сделать так, чтобы расписка осталась верной.

Вторая поездка принесла больше. Лавочник упорно требовал зачесть всю поставку по новой, более низкой цене. Мезенцев предупреждал, что спор давний. Я попросил поднять принятый им счёт. Счёт нашёлся, но лавочник помялся и принёс ещё один лист: на нём была обещана скидка при покупке следующей партии.

Следующую он не купил. Скидку оставил у себя в голове.

Мы торговались, сидя на двух ящиках за лавкой. Я согласился простить небольшую часть спорного остатка лишь после того, как получил основную сумму. Он долго объяснял, как тяжело теперь всякому торговому человеку. Я согласился. Ему, похоже, стало ещё обиднее.

У третьего денег не оказалось вовсе.

Зато он предложил невероятно удобную сделку: забрать в уплату залежалую краску. Банки выглядели целыми, на крышках стоял известный ему знак. Мне этот знак не говорил ничего.

— Хороший товар. На ярмарке с руками оторвут.

— Почему вы сами не продаёте?

Он обиделся так быстро, что ответ уже не требовался.

Я не объявил его жуликом. Записал срок, который он согласился назвать при Семёне, и попросил расписаться. Получить обещание вместо денег неприятно. Но приобрести чужую проблему за полный рубль было бы хуже.

Вечером Мезенцев пересчитал принесённое.

— Не шестьсот, — заметил он.

— И день не последний.

— Вы считаете, что прежде мы ничего не делали?

Этот вопрос наконец прозвучал прямо.

Я отложил перо.

— Нет. Я вижу, что вы держали торговлю. Но теперь нужно выбрать, за что браться первым. Если назовёте человека, с которого действительно можно получить, я поеду к нему.

Он долго разглаживал край книги.

— Есть у меня один. С батюшкой вашим работал. Мне отказал. Может, вам не откажет.

На следующий день мы отправились вместе. Старый покупатель заставил нас подождать в передней. Через открытую дверь слышно было, как он спорит с домашними. Я раздражался, Мезенцев сидел неподвижно, положив трость на колени.

— Может, завтра удобнее? — спросил я.

— Завтра он тоже найдёт, чем заняться. Теперь мы уже здесь.

Когда хозяин вернулся, он сперва предложил заплатить меньше, остальное оставить до осени. Мезенцев не повысил голоса. Напомнил общие дела, дату приёмки и случай, когда Пётр Николаевич сам ждал его платёж, чтобы человек не прервал работу.

— Тогда по-другому было, — ответил хозяин.

— Тогда у вас тоже не всё было удобно. Мы помним, как договаривались. Вы тоже помните.

Мне стало неприятно: разговор будто требовал заплатить за старую доброту. Но покупатель выпрямился, посмотрел на меня и спросил, что происходит у нас теперь. Я рассказал без преувеличения. Он велел принести всю сумму, которую мог отдать в этот день, и отдельно назвал срок остатка.

Уже на улице Мезенцев сказал:

— Не надо ждать, что всем будет приятно. Пока деньги должны, они про вас не думают. Пришли — думают. Вот и сердятся.

— А вы не сердитесь, когда к нам приходят?

Он усмехнулся.

— Сердился. Только вчера вы за меня ходили.

Мы неожиданно заговорили как двое людей, работавших на одно дело. Я подумал, что начинаю ему нравиться, и тут же насторожился этой мысли: мне отчаянно требовался человек, который знал местную жизнь, а нужда легко принимает полезность за честность.

По дороге назад он указал тростью на наш двор.

— Пётр Николаевич здесь не сразу хозяином сделался. Половину покупателей я ещё мальчишками помню. Они хотят знать, с кем остаются.

— Я тоже хочу это понять.

Приказчик посмотрел на меня боком, будто я сказал какую-то неловкую правду.

К двенадцатому июня нам удалось собрать шестьсот рублей старых долгов. Я записал их отдельно от выручки. На бумаге сумма казалась внушительной, в сравнении с обязательствами — крошечной.

Анна Михайловна увидела деньги и впервые спросила не о продаже:

— Работникам теперь можно выдать?

— Можно. Только сперва мне надо договориться с перевозчиком. Если никто не увезёт проданный товар, новых денег не будет.

Она сжала губы.

— Они уже слышали это: сперва то, потом другое.

Я помолчал и поставил рядом с кассовой книгой отдельный лист.

— Двести двадцать. В пятницу. Запишите и вы.

До пятницы оставалось немного. Я сам назвал срок, который теперь нельзя было прятать за чужим обещанием.

Глава 4. Упряжка Бекетовой

Возле конторы Бекетовой стояла подвода с треснувшей ступицей. Мужчина в кожаном фартуке ругался на молодого возчика. Тот держал колесо и смотрел мимо него, во двор, где женщина в сером платье считала мешки овса.

— Елена Сергеевна здесь? — спросил я.

— Здесь, — ответила женщина. — Если по вчерашнему счёту, я уже послала.

— По новому заказу.

Она закончила считать, провела пальцем по списку и только тогда подошла. Лет двадцать семь, тёмные волосы под простой шляпой. На рукаве — пыльный след от мешка. Она не пыталась его стряхнуть.

— Лавров?

— Николай Петрович.

— Узнала. Бровь у вас рассечена, а не всё лицо.

Семён, стоявший за мной, отвернулся.

Я изложил дело. Три покупателя, разные партии, отправка в несколько дней. Хотел бы получить общую цену и, если возможно, заплатить после доставки.

— Нет, — сказала она.

— Что именно?

— Последнее. Старый счёт я от вас ждала девять недель. Ваш отец не задерживал, а вы задержали.

Чужое прошлое снова предъявили мне по полной цене.

— Значит, за наличные. Сколько?

Она стала спрашивать. Где стоит товар, кто грузит, что за подъезд у каждого покупателя, сколько можно ждать при выгрузке. Я не знал половины ответов. На моём красивом листе отсутствовали те самые вещи, из которых складывается дорога.

Елена подозвала возчика. Тот сразу перестал смотреть на колесо и назвал место, куда после дождя тяжело идти с грузом.

— Туда на одной подводе не повезём, — сказала она.

— По весу должно хватить.

— По вашей бумаге. А там поворот и уклон. Хотите одну — ищите другую контору.

Я почувствовал знакомый соблазн: сейчас надавить, показать общий объём будущей работы, пообещать постоянство. В прежней жизни на такой разговор соглашались достаточно часто. Потом водители звонили ночью.

Семён тихо сказал:

— Скользко там. Она верно говорит.

Я зачеркнул число рейсов.

— Хорошо. Два. Но мне нужна цена до того, как поеду к покупателю.

Мы вошли в контору. На стене висели хомуты, хотя рядом лежала аккуратная переписка. На полке — чернильница, пачка чистой бумаги, медный подсвечник. Фотография мужчины возле окна была повёрнута к столу.

Пока Елена считала, я разглядывал ведомость. У неё были собственные упряжки, но свободными они от этого не становились. Одна работала по давнему договору, вторая требовала замены колеса; дополнительные подводы приходилось нанимать.

— Если обещаете к утру, то вечером накануне груз должен быть готов, — сказала она. — Готов — значит увязан, подписан и стоит там, откуда его берут. Вчерашние слова возчику не погрузишь.

— Можно с вами поехать на первую выгрузку?

Она подняла глаза.

— Проверять меня?

— Покупатель вес проверить захочет. Я обещал быть.

— Тогда можно.

Первым согласился подрядчик по оградам. Его мало тревожил внешний вид гвоздей, если длина и прочность подходили. Он долго гнул один образец в тисках, потом велел принести ещё из середины партии. Я подал. Его недоверие стоило времени, зато после проверки он перестал торговаться так, будто покупал неизвестную ржавчину.

Короткие гвозди забрал лавочник. Хороший ходовой товар — мастерская. Всё ещё предстояло взвесить и увезти. Ни одного соглашения я не счёл деньгами до расчёта.

На первой погрузке произошла почти неизбежная неприятность. Один ящик поставили так, что его знак ушёл к борту. Возчик схватил соседний, по виду совершенно такой же.

Семён окликнул его с другого конца двора. Я тоже бросился вперёд, споткнулся об обрезок доски и болезненно дёрнул шеей. Ящик удержали без меня.

— Хоть бы дорожку очистили, — сказала Елена, глядя на доску.

Мы потратили четверть часа на то, что вчера казалось лишним: обозначили место готовых отправок и убрали проход. Мезенцев наблюдал из дверей конторы. Когда я попросил его проверить записи, он подошёл сразу, но губы сжал.

До двора покупателя доехали позже, чем рассчитывал возчик. Один проезд оказался занят, пришлось ждать, пока выведут чужую подводу. Я предложил обойти с другой стороны, но Елена показала на узкий поворот. С гружёной повозкой там пришлось бы разворачиваться на чужом месте.

Возчик сидел неподвижно. Я ходил от колеса к углу и обратно, будто от числа моих шагов зависел выезд. В какой-то момент он попросил меня не мельтешить возле лошади.

— Я же не трогаю.

— Она вас видит. Вы туда, она туда.

Я отошёл. Елена наблюдала с таким видом, словно этот урок тоже следовало включить в цену.

Пока ждали, к нам подошёл незнакомый мальчишка и предложил показать свободный ход. Возчик спросил, куда именно. По ответу понял, что речь о тропе, по которой можно пройти человеку, но не провести наш груз.

— Ему заплатить бы хоть за старание? — спросил я вполголоса.

— Ваши деньги. Только за дорогу, которой нет, не называйте.

Я дал мальчику мелкую монету и попросил разыскать приказчика покупателя, сказать, что мы у поворота. Он принёс настоящее полезное известие: во дворе приготовили место, но ждали нас с другой стороны. Вышедший человек помог освободить въезд.

Приёмщик сердился, что у него задерживаются люди. Я объяснил, где мы стояли, и услышал, что это наши заботы. Часть его правоты была слишком очевидна для приятного спора. Мы оговорили время выгрузки и только после этого подали ящик к весам.

У покупателя вес не сошёлся.

Я успел испытать целую бурю подозрений, пока Семён не попросил перевесить тару отдельно. Покупатель пользовался привычной поправкой, которая к нашим ящикам не подходила. Разницу исправили при нас. Никакого торжественного разоблачения не вышло: два человека устало пересчитали чужую древесину.

Зато деньги выдали до нашего отъезда.

Возвращались в мелком дожде. Я держал свёрток под полой пиджака, будто от бумаги с монетами зависело, останется ли реальным весь этот день.

— Теперь легче? — спросила Елена.

— До следующего счёта.

Она посмотрела с неожиданным одобрением.

— Наконец-то похожи на торгового человека.

У нашего двора обнаружился Зыков. Он осмотрел пустую подводу, кивнул Елене так, словно она работала у него, и обратился ко мне:

— Степан Яковлевич просит зайти. Считает, что вам следует поговорить без посторонних.

— Он узнал о продаже?

— У вас ворота на улицу, Николай Петрович.

Это было правдой. Но я всё равно проводил взглядом его ладонь: пальцы машинально приглаживали край накладной, которую он успел увидеть у меня в руках.

Глава 5. Цена месяца

Поверенного мне посоветовала Анна Михайловна.

— Сергей Викторович Воронцов занимался бумагами после смерти отца. Не думай, что всё можно исправить разговором со Степаном Яковлевичем.

Я и не думал. Слишком хорошо помнил современного покупателя, который обещал заплатить «совершенно точно в понедельник», а потом оказалось, что понедельник не указан ни в одном документе.

Воронцов выслушал меня, прочёл бумаги и попросил перестать ходить по кабинету.

— Вы намерены платить?

— Семьсот к сроку. Остальное через месяц.

— А он намерен согласиться?

— Пока не знаю.

— Тогда сначала выясните это. Условия соглашения я оформлю. Но сам факт вашей готовности внести часть не обязывает держателя ждать остаток.

Никакого тайного спасения он не предложил. За это я почувствовал к нему доверие.

Крестов принял в просторной конторе, где даже тишина казалась дорогой. На стене висела карта, на столе не было лишней бумаги. У окна сидел человек, который делал записи и не поднимал головы.

Степан Яковлевич оказался крепким, седевшим у висков мужчиной. Он пожал мне руку, предложил сесть и сразу посмотрел на бровь.

— Осторожнее надо со своим имуществом. Когда не имеешь привычки, оно бывает опасным.

— Привычка появилась.

— Прекрасно. Мне сказали, вы начали продавать.

— Для того и пришёл. Двадцатого июня внесу семьсот. Остаток прошу перенести на двадцатое июля.

Крестов не рассмеялся. Он сложил руки на столе.

— За что же я куплю вам месяц, Николай Петрович?

— За семьсот рублей, которых без месяца может не оказаться и у вас.

Это вышло чересчур резко. Человек у окна перестал писать.

Я заставил себя замолчать. В переговорах хуже неудачной фразы бывает только попытка срочно прикрыть её пятью другими.

Крестов немного подождал.

— У меня есть настоящий долг. У вас — надежда, что продажа залежей означает возобновление дела. Вы предлагаете мне обмен неравный.

Он был прав. Я достал подготовленный список: уже согласованные продажи, собрано старых долгов, ожидаемые платежи. Цен поставщиков в нём не было. Я не собирался показывать конкуренту всю кухню ради просьбы о сроке.

Степан Яковлевич скользнул взглядом по листу.

— А дальше покупать за что будете?

— Небольшими партиями. Под согласованный спрос.

— Слышал это от многих людей перед тем, как они являлись просить взаймы.

— Взаймы не прошу.

— Пока.

Он встал и подошёл к карте. Я подумал, что разговор закончен. Но Крестов ткнул пальцем в какой-то участок и, обернувшись, спросил:

— Ваш двор отец купил у Сергеева?

Я не знал. Пришлось ответить, что бумаги остались у матери.

— Удобное место. Сам дом староват, конечно. Зато двор хорош.

Ему было нужно место. Я пока не понимал всего, но карта и внезапный интерес к покупке оказались красноречивее предложения Зыкова.

— Семьсот двадцатого, — повторил я. — И письменное соглашение об остатке. Поверенный проверит документы.

— Воронцов?

Я кивнул.

— Осторожный человек. Пусть приходит.

Это ещё не было согласием. Условия заняли два следующих посещения, и оба раза Воронцов настаивал на том, чтобы я сначала их прочёл, а уж потом радовался. Крестов не получил нового залога, зато мы подтвердили остаток долга и понятный день расчёта. Просрочка больше не должна была возникать из-за взаимных толкований устной беседы.

Выйдя из конторы, я остановился у тумбы. Голова опять заболела. Воронцов не стал торопить.

— Он надеется купить двор? — спросил я.

— Он предлагает. Это разные вещи.

— А если в июле не заплачу?

— Тогда неплатёж даст ему дополнительные возможности. Но не ключ от ваших ворот в ту же минуту. Не заставляйте меня объяснять это вам после срока.

По дороге домой я заглянул в торговлю Крестова. Приказчикам заранее не представлялся, смотрел с улицы. У него было больше товара, людей и места, чем у нас. Он мог продавать то же самое дешевле и дольше, чем я мог терпеть убыток. Его не требовалось изображать глупцом, чтобы мне хотелось победить.

Уже у наших ворот меня догнал посыльный от лавочника. Наш покупатель передумал брать всю согласованную партию: сосед предложил дешевле. Требовал вернуть оставленную сумму.

Я едва не сказал, что деньги уже нужны для другого платежа. Во время нынешнего разговора они всё ещё принадлежали обещанной ему поставке, и это было бы признанием совсем иной беды.

— Какой товар предлагает сосед?

Человек не знал. Хозяин велел передать и получить ответ, ни о каких размерах не говорил.

Я позвал его в контору, достал образцы, попросил показать нужный. Он выбирал неуверенно. Записку написал при нём: подтвердить, что именно отменяется, по какой причине, какую оплаченную часть готовы получить. До ответа подготовленное место не трогаем. Если откажутся окончательно, отдельно сверим расчёт и вернём причитающееся.

— То есть сейчас денег не дадите? — спросил он.

— Сейчас не знаю, за что вы их требуете. Вы принесли устное поручение, а у меня письменный заказ. Принесёте ясный ответ — решим.

Он ушёл недовольным. Я постоял у стола, вцепившись пальцами в спинку стула. Месяц, который только что казался купленным, всё ещё мог не состояться из-за одного неуточнённого образца.

Дома Анна Михайловна выслушала условия и достала из шкафа маленькую коробку.

Внутри лежали серьги и брошка.

— Я подумала, если не хватит.

Я не сразу нашёл голос.

— Оставьте.

— Не надо делать вид, что я не понимаю дела. Если дом всё равно продадут, эти вещи его не заменят.

— Я понимаю. Пока их не считаем. Они ваши.

— А дом чей, по-твоему?

Она закрыла коробку и убрала её. Мы оба остались недовольны разговором. Я потому, что отказ выглядел красивее моего реального положения. Она — потому, что ей опять предлагали ждать решения, в котором шла речь о её жизни.

После ужина я вынес в контору ещё одну свечу. Мезенцев собирался уходить, но задержался.

— Сколько он вам дал?

— Месяц после частичного платежа. Если внесём семьсот вовремя.

— А если следующий покупатель передумает?

Я посмотрел на ведомость.

— Утром поеду к нему, если раньше не пришлёт ясный ответ.

— Будьте осторожнее. Теперь он знает, что вам почти некуда отступать по сроку.

Месяц уже начал дорожать, хотя ещё даже не наступил.

Глава 6. День жалованья

Лавочник, которому предлагали дешевле, принял меня за прилавком. Не стал водить по двору: человек без денег для немедленного расчёта обычно прячется за многочисленными делами, а этот хотел разговора.

— Они дают другой товар, — сказал он. — Но покупатель мой станет спрашивать, почему дороже.

— Покажите образец.

Образец оказался хорошим. Я не нашёл повода его обругать и не стал выдумывать. Разница была в сроке и количестве. Соседняя контора предлагала будущую партию, сразу много. Ему требовалась часть сейчас и без остатка на всё лето.

— Если цена главная, берите там. Если нужны наши разобранные партии, они стоят до вечера. Позже я должен предложить их другому.

— А другой есть?

— Пока нет.

Он хмыкнул.

— Хоть врёте нескладно.

Я удержал цену, но согласился подать товар двумя частями в пределах уже оплаченной перевозки. Это было выгоднее скидки со всего. Он сверил обещанное, согласился оставить внесённые деньги в счёт заказа и назвал день окончательного расчёта.

Пятницу я встретил на складе до открытия ворот. Семён сидел на перевёрнутом ящике и шил рукав большой иглой.

— Народ придёт? — спросил я.

— Который нужен для дела — придёт. Который за своим — тоже.

Люди собирались постепенно. Один продолжал носить груз, будто ничего особенного не происходило. Другой встал у стены и закурил. Пришёл старик, которого я прежде не видел: раньше возил мелкие отправки на нашей лошади, теперь почти не работал. Ему тоже были должны.

Мезенцев вывел суммы. Я сел рядом с кассой, пересчитал деньги и обнаружил, что руки дрожат. Не от жалости и не от великого исторического момента. Мне уже случалось выдавать зарплату после тяжёлого месяца. В такие дни даже собственные деньги кажутся занятыми у завтрашнего утра.

Первый работник пересчитал монеты и вернул десять рублей.

— Тут лишние. Мне по книге меньше.

Мезенцев проверил запись: ошиблись при отсчёте. Я поблагодарил человека. Он смутился и спрятал свои монеты так быстро, что стало понятно: дома их ждут.

Другой молча забрал своё и попросил расчёт окончательно. Нашёл место у знакомого, с регулярной оплатой.

— Останьтесь хотя бы до конца недели, — попросил Мезенцев.

Мужчина посмотрел на меня.

— Я не могу обещать вам, что трудностей больше не будет, — сказал я. — Два дня отработать можете?

Он согласился на два дня. На третий ушёл.

Семён забирал последним. Пересчитал, отделил часть и протянул старику, который задержался у ворот.

Я сделал вид, что не вижу. Слишком легко было бы сочинить из этого картину верных людей, радующихся возвращению доброго хозяина. На самом деле они наконец получили то, что давно заработали. Благодарность с них не причиталась.

Старик у ворот не уходил. Я подошёл и спросил, всё ли получил.

— Получил. Лошадь посмотреть хотел.

Он когда-то ухаживал за нашей единственной лошадью, потом обязанности перешли другому человеку. Я провёл его под навес. Он погладил животное по шее, проверил ладонью сбрую и заметил место, которое уже начинало натирать.

— Это поправить. Пока ещё не разнесло.

Я позвал работника, записал мелкий ремонт. Старик посмотрел на меня с недоверием: вероятно, ожидал обычного «посмотрим».

— Раньше-то говорили, — заметил он.

— Теперь сделаем.

Он ещё немного постоял у лошади, потом пошёл. Я не предложил ему вернуться на постоянную работу: не знал, хватит ли её и сумеет ли он сам тянуть прежнее. Но попросил зайти через несколько дней и посмотреть, как исправили сбрую. За осмотр договорились отдельно.

Платон Саввич, увидев запись, покачал головой.

— Опять новый расход.

— До новой раны на лошади дешевле.

Он ничего не ответил. Я поставил запись среди текущих затрат и обнаружил, что ещё несколько человек ждут мелких решений: сломанная ручка, плохой свет над столом, нехватка верёвки. Невыплаченное жалованье раньше заглушало все эти вопросы. Теперь они получили голос.

К вечеру все двести двадцать рублей были выданы.

Анна Михайловна смотрела из окна. Когда я поднялся, она спросила:

— Теперь опять пусто?

— Ещё нет.

На подоконнике стояла вымытая жестяная банка. Рядом она положила несколько листков домашних расходов.

— Тогда запиши и это. Из припасов долго не проживём.

Я взял листки. Раньше мне казалось, что семейный дом существует отдельно от конторы. Здесь он ел с конторой из одной кассы, и оттого невидимые расходы становились особенно опасными.

До двадцатого июня распроданные партии успели доставить и принять. Не всё прошло гладко. Один ящик вернулся из-за лопнувшей доски; часть крепежа пришлось перевесить; за ожидание возчика заплатили. Я не прибавлял эти траты к цене задним числом. Когда обещаешь стоимость доставки, открытие новых подробностей дороги достаётся тебе.

В сумме товар, который числился у нас за тысячу восемьсот, принёс две тысячи сто. Старая дебиторская задолженность дала ещё шестьсот. После жалованья, ста рублей прежних начислений и ста шестидесяти текущих выплат оставалось достаточно для договорённого взноса.

Семьсот я понёс Крестову сам, с Воронцовым. Дважды пересчитал до выхода и всё равно волновался, пока держатель не подтвердил платёж, а поверенный не проверил бумаги о новом сроке остатка.

— Теперь начнёте покупать? — спросил Степан Яковлевич.

— Уже начал договариваться.

— Договаривайтесь осторожнее. Рынок не любит, когда в него входят только надеждой.

Его совет был полезным. От этого хотелось возразить ещё сильнее.

Домой я вернулся с остатком вексельного долга в тысячу четыреста и со свободной кассой в тысячу семьсот. Никакого обогащения не произошло. Мы просто успели вынуть часть своего труда из пыльного угла прежде, чем её оценил покупатель всего двора.

Мезенцев подал мне сводный лист.

— Можно продолжить распродажу. Уступить остальное и окончательно рассчитаться.

— А потом?

— Потом решать, стоит ли снова входить в торговлю.

Он говорил разумно. Быстрая распродажа могла уменьшить долги. Но склад, лишённый ходовых остатков, не породил бы новых покупателей. Я отложил его лист и достал другой: три заказчика спрашивали крепёж к определённым дням.

Пока я водил пальцем по датам, к дверям подошёл Семён.

— На завтра что готовить?

Впервые этот вопрос прозвучал не как проверка, останемся ли мы вообще работать.

— Сейчас скажу.

Я подвинул ему стул. Нам ещё предстояло решить, какого товара здесь больше не должно быть без настоящего покупателя.

Глава 7. Заказ раньше закупки

Лунёв первым делом спросил, кто меня прислал.

— Никто. У нас спрашивают товар, который есть у вас.

— У вас и раньше спрашивали. Только приходил Платон.

— Теперь пришёл я.

Фёдор Захарович не стал изображать радость от самостоятельности молодого человека. Велел принести два образца и показал разницу, которую я с первого взгляда не заметил. Один крепёж покупали для обычных деревянных работ, другой выбирали там, где требовалось большее усилие. В моём списке они чуть не оказались соседними словами с одной ценой.

— Закупать будете по книге или по вещи? — спросил он.

— По вещи. Поэтому хочу взять Семёна на следующую встречу.

— Хороший ответ. Только при продаже отвечать всё равно вам.

Он знал о нашем положении. Не из тайного донесения: прежние счета в городе разговаривали за нас. Для начала предложил оплату полностью вперёд.

Я показал заказы. Не придуманные намерения, а письма с весом, сроками и именами. Часть покупателей соглашалась внести деньги до отправки. Я хотел купить именно эти позиции, без широкого ассортимента для красоты.

Лунёв внимательно просмотрел листы.

— А если ваш покупатель не возьмёт?

— У меня останется товар и обязательство перед вами.

— Вот это запомните. Не передавайте мне его отказ как оправдание.

В соседней комнате у Лунёва принимали железо. Служащий принёс кусок полосы и показал хозяину неровный край. Фёдор Захарович извинился и вышел. Я остался у двери, откуда был виден стол.

Один из работников предлагал срезать плохое и принять остальное. Другой говорил, что в партии может оказаться ещё. Лунёв велел выбрать несколько мест не сверху, а из середины, и подождал сам. После второй находки часть груза отложили для отдельного решения.

Когда он вернулся, я спросил, часто ли приходится так задерживать приёмку.

— Настолько часто, чтобы на неё платить человеку, а не надеяться на лицо поставщика.

— У вас давний поставщик?

— Потому и вопрос серьёзный. Если новый ошибся — можно разойтись. С давним надо понять, что у него изменилось.

Он посмотрел на мои образцы.

— Покупатели к вам возвращаться будут не потому, что вы один раз удачно приняли. Им придётся поверить в следующий раз. Вы и сами так ко мне пришли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.